

В 1962 г. вышла одна из самых замечательных работ Ф. А. Петровского — «Латинские эпиграфические стихотворения» — комментированный перевод латинских стихотворных надписей. Эти образцы «низовой» литературы, долгое время считавшиеся недостойными художественного перевода, обычно используемые историками для извлечения различного рода сведений по экономике, в лучшем случае — по истории культуры, в переводах Ф. А. Петровского предстали русскому читателю как искренняя и безыскусственная поэзия простых людей древнего Рима.

Ф. А. Петровскому принадлежит также и первый полный перевод византийского стихотворного романа — недавно вышедшая «Повесть о Дросилле и Харикле» (1969). Византийский роман относится к тем литературным жанрам, которые лишь сравнительно недавно стали привлекать внимание исследователей. Как и вся византийская литература, средневековые греческие романы считались безнадежно скучными, эпигонскими, а то и вовсе лишенными художественных достоинств. Мастерски выполненный перевод Ф. А. Петровского передает сложную стилистическую и психологическую канву романа — сочетание античных традиций, христианской идеологии и элементов народной поэзии, открывая тем самым для русского читателя незнакомую до сих пор страницу истории мировой культуры.

Ф. А. Петровский вошел в историю советской науки об античности не только своими переводами, но и многочисленными исследованиями. В двухтомной «Истории римской литературы» Академии наук СССР (1959—1962) им написаны главы о ранних римских драматургах, эпиках, о Плавте, Катулле, Лукреции, о римских сатириках. Статьи Ф. А. Петровского «Крылов и античная басня» и «Античные мотивы в комедии Островского „Не было ни гроша, да вдруг алтын“» интересны и как образцы методики исследования античных традиций в русской литературе. Статья «*Ingenium — ars* (Возникновение проблемы о природном даровании и мастерстве в античной литературе)», опубликованная в «*Eirene*» (1964, № 2) — одно из немногочисленных в русской науке исследований, посвященных столь интересному предмету, как литературная критика древней Греции.

Однако научная деятельность Ф. А. Петровского не ограничена историко-литературной тематикой: им переведены и прокомментированы трактат Витрувия «Десять книг об архитектуре», часть книги Коперника «Об обращении небесных сфер», автобиография энциклопедиста XVI в. Джироламо Кардано, «Город солнца» Кампанеллы, письма Томаса Мора и Эразма Роттердамского. Неоценимым было участие Ф. А. Петровского в составлении и выпуске латинско-русского и древнегреческо-русского словарей.

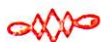
Прекрасный педагог и благожелательный, щедрый наставник, Ф. А. Петровский воспитал не одно поколение филологов-классиков. Большинство защищенных в последние десятилетия в Москве диссертаций по истории римской литературы было написано под его руководством.

Мы горячо поздравляем юбиляра и желаем ему доброго здоровья и сил для плодотворного продолжения его работы.

*Сектор древней истории Института всеобщей истории АН СССР,
редколлегия и редакция журнала «Вестник древней истории»*

ПРИЛОЖЕНИЕ

ХВАЛЕБНАЯ РЕЧЬ НА ПОХОРОНАХ РИМСКОЙ МАТРОНЫ (Так называемая *LAUDATIO TURIAE*)

*

ПЕРЕВОД И КОММЕНТАРИЙ
В. О. ГОРЕНШТЕЙНА

100
100
100
100

100

ХВАЛЕБНАЯ РЕЧЬ НА ПОХОРОНАХ РИМСКОЙ МАТРОНЫ

(Так называемая *Laudatio Turiae*)

Предлагаемая вниманию читателей надпись ¹ (известная также под названием «Похвала Турии» — *Laudatio Turiae*) воспроизводит речь, произнесенную мужем умершей на похоронах жены и прославляющую ее добродетели и заслуги. Она представляет собой эпитафию, вырезанную на мраморных досках с расположением текста в два столбца; от посвящения сохранилось лишь одно слово [V]XORIS — «супруги». Надпись дошла до нас в виде семи фрагментов (132 неполных строки) со значительными лакунами, составляющими около четверти первоначального текста.

Левый столбец (pagina I) дошел только в списках, сделанных учеными XVI—XVII вв. Один из его фрагментов (A) был найден в Риме в XVII в.; он был вставлен в стену аббатства и утрачен, когда здание было снесено. В архивах Ватикана хранятся три списка с этого фрагмента, как и список с фрагмента B, найденного не遠далеке от гробницы Цецилии Метеллы ². Сделанный на рубеже XVI—XVII вв. список с фрагмента C был обнаружен в 1856 г. в Национальной (тогда Императорской) библиотеке в Париже.

Фрагменты правого столбца (pagina II) были найдены в Риме в разных местах и находятся в музеях. Найденный при земляных работах «фрагмент с Via Portuense», опубликованный Вальери в 1898 г. и хранящийся в Музее терм, содержит последнее слово посвящения [V]XORIS и еще 10 строк; на его оборотной стороне впоследствии была начерчена таблица для какой-то игры. Фрагменты D и E найдены в катакомбах на Via Labicana (в месте, называемом ныне Tor Pignatarre); это была мраморная доска, распиленная на две части, использованные при устройстве христианского захоронения; они хранятся на вилле Альбани в Риме. В 1950 г. еще один фрагмент (F), дополнявший фрагменты D и E (10 строк), был обнаружен в запаснике Музея терм. Мраморные доски, на которых вырезана надпись, имели в высоту 2,23 м и, видимо, содержали каждая до 90 строк текста. От pagina I до нас дошли 52 строки и 40 строк утрачено. От pagina II до нас дошли 10 строк фрагмента с Via Portuense и 69 строк фрагментов D и E.

После предварительных публикаций Фабретти ³ (1699 г.) ³ и Марини (1785 г.) ⁴ этой

¹ CIL, VI, 1527, 31670, 37053; Dessau, 8393 (ср. Addenda, стр. СХС). Перевод выполнен по последнему, наиболее полному критическому изданию: *Eloge funèbre d'une matrone romaine (Eloge dit de Turia). Texte établi, traduit et commenté par M. Durry*, P., 1950 (Collection Budé).

² Vat. lat. 9140, p. 134; Barb. lat. 2756, f. 1 = 598; Barb. lat. 2019; Vat. lat. 9140, p. 140.

³ R. Fabretti, *Inscriptionum antiquarum...*, 1-re ed., Rome, 1699.

⁴ G. Marini, *Iscrizioni... delle Ville e de' Palazzi Albani*, Rome, 1785.

надписи посвятили большие исследования Моммзен ⁵, Фолльмер ⁶ и Коста ⁷. Из советских историков о ней написала М. Е. Сергеевко ⁸.

Древний Рим знал разные виды похорон. Самыми торжественными были похороны магистратов, бывших магистратов и других знатных лиц, устраивавшиеся городской общиной или государством (*funus publicum*). Шествие открывал духовой оркестр; за ним шли плакальщицы, затем актеры, изображавшие предков умершего и надевавшие их маски и магистратские одежды; один из актеров изображал умершего; несли также предметы, связанные с его деятельностью, изображения взятых им городов; следовали ликторы с опущенными факелами, одетые в черное; на парадном ложе несли тело умершего, облаченное в тогу-претексту. На форуме, около ораторской трибуны, процессия останавливалась, и родственник или магистрат произносил хвалебную речь (*laudatio pro contione*), перечисляя в ней заслуги умершего и его предков. Такие выступления иногда имели политическую направленность, например речь Цезаря на похоронах его первой жены Корнелии, дочери Цинны, (против сулланского режима) или его же речь на похоронах его тетки Юлии (о божественном происхождении рода Юлиев). По окончании хвалебной речи процессия следовала к месту погребения или к месту сожжения тела. Похороны римских граждан, в политической или общественной жизни себя ничем не проявивших (*funus indictivum* — после оповещения о похоронах, которое совершали глашатаи), носили более скромный характер, и заслуги умершего прославлялись либо во время остановки на форуме (*laudatio privata pro contione*), либо перед сожжением или перед захоронением тела (*laudatio privata ad sepulcrum*), либо во время последующей трапезы (*silicernium*), а также перед родными, собиравшимися после похорон на девятый день, когда приносили жертву (*novendiale sacrificium*) и траур оканчивался. Такова, по-видимому, и данная речь.

В ней описывается жизнь супружеской пары и упоминаются исторические события эпохи; затрагиваются в речи и некоторые правовые вопросы. В 49 г. до н. э. героиня предлагаемой вниманию читателей речи еще не была замужем, ее сестра уже была женой некоего Гая Клувия. В этом году жених героини последовал за Помпеем в Македонию, а Клувий уехал в Африку. Родители невесты были убиты, и она переселилась в дом своей будущей свекрови, купленный при продаже имущества Тита Анния Милона после его осуждения в связи с убийством Публия Клодия (52 г.). Она добилась того, чтобы убийцы ее родителей понесли кару и чтобы завещание ее отца сохранило силу; в 48 г. она защитила усадьбу своего мужа от нападения милиционеров (см. ниже). Жених и невеста вступили в брак между 48 и 43 гг. В речи много говорится (II, 1—24) о проскрипциях 43 г. Муж, который навлек на себя гнев одного из триумвиров, Марка Лепида, был включен в списки и бежал из Рима. В 42 г. Клувий ⁹ добился от Октавиана, находившегося тогда в Эпире, эдикта о помиловании своего свояка, но когда жена последнего обратилась в связи с помилованием к Лепиду, тот обошелся с нею жестоко, так что ей пришлось дожидаться возвращения Октавиана в Рим.

Изложенное делает возможной датировку надписи. Так как брак продолжался 41 год (I, 28), то эпитафия могла быть вырезана между 8 и 2 гг. до нашей эры. Этому соответствуют также орфография и форма букв надписи. Датировка подтверждается упоминаниями исторических лиц и событий. Упоминание о Милоне (II, 9a) и о его вооруженных отрядах, действовавших в Италии (но не в Риме), указывает на события 48 г. (Caes., B. C. III, 21 сл.); милиционеры хотели ворваться в бывшую усадьбу Милона, находившуюся вне Рима и проданную после его осуждения. Кроме того, в эпитафии

⁵ Th. Mommsen, Zwei Sepulchralreden aus der Zeit Augusts und Hadrians, I. Grabrede auf die Turia..., «Abhandl. d. königl. Akad. d. Wiss. zu Berlin», 1863, стр. 455—489 (перепечатано в «Gesammelte Schriften, Juristische Schriften», I, B., 1905, стр. 395—421).

⁶ F. Volkmmer, Laudationum funebrium Romanorum historia et reliquiarum editio, «Jbb. für class. Philologie», Supplbd. XVIII, 1892, стр. 445—528.

⁷ G. Costa, Ancora sulla *Laudatio Turiae*, «Bull. Com.», XLIII, 1915, стр. 3—40.

⁸ М. Е. Сергеевко, Жизнь древнего Рима, М.—Л., 1964, стр. 205—207.

⁹ Как полагает М. Дюрри (см. его «Введение», стр. LXIV).

упоминаются Октавиан (II, 12; 19) и Марк Лепид (II, 13). Гай Клувий, упоминаемый в надписи, нам неизвестен. Моммзен относит к нему письмо Цицерона (Fam. XIII, 7), а также бронзовые монеты, выбитые в Испании в 46—45 гг. Цицерон в речи по делу актера Квинта Росция (14, 42 слл.) говорит о римском всаднике Гае Клувии, но допустимо ли такое отождествление, сказать невозможно.

Что касается установления личности супругов, то Ф. делла Торре (1657—1717), работа которого была опубликована только в 1743 г., предположил, что речь идет о Турии, жене Квинта Лукреция Веспиллона, которая во время проскрипций 43 г. спрятала мужа в их доме при соучастии лишь одной рабыни (Val. Max., VI, 7, 2; App., B. C. IV, 44); между тем в спасении человека, от лица которого написана наша речь, участвовали сестра его жены и ее муж. Следует также отметить, что в эпитафии ничего не говорится о дальнейшей карьере ее автора, тогда как Веспиллон дважды был консулом во время принципата Августа (последний трижды упоминает о нем в Res Gestae: VI, 1; XI; XII, 1). Кроме того, во фрагменте с Via Portuense (II, 5a) читаем: «Ты скрашивала мне жизнь в изгнании» (т. е., очевидно, после поражения Помпея под Фарсалом в 48 г.), а далее (6a—8a) говорится о том, что жена автора эпитафии обращалась к цезарианцам с ходатайством о муже. Ввиду всего этого предположение Ф. Делла Торре, к точке зрения которого склонялся и Моммзен, следует отвергнуть, так что личность супругов пока остается неизвестной.

[Богам-манам]¹... супруги...

I (1)... чистотой нравов...

(2) ... ты оставалась добропорядочной...

(3—6)² [Незадолго до] нашей свадьбы ты [неожиданно] лишилась родителей, живших [в сельском] уединении и [убитых] вместе. Главным образом [благодаря тебе] — после моего [отъезда] в Македонию и [отъезда Гая Клувия], мужа твоей сестры, в провинцию Африку — смерть ваших родителей [не осталась неотомщенной].

(7—9) Ты с такой великой настойчивостью, предъявляя требования и преследуя в суде³, исполнила свой дочерний долг, что даже мы с Клувием, будь мы на месте, [не добились бы] большего. Но заслуга эта у тебя общая с достойнейшей женщиной, [твоей сестрой].

(10—12) Будучи занята всем этим, ты, как только [добилась] казни виновных, незамедлительно [переселилась], оберегая [свое целомудрие], в дом моей матери, где и ожидала моего возвращения.

(13—17) После этого вам пришлось столкнуться с попыткой [объявить] завещание твоего [отца], в котором он назначил своими наследниками нас обоих, утратившим силу⁴, так как он вступил в брак со своей женой по-

¹ Текст надписи изобилует лакунами; переводя, мы придерживались конъектур, принятых издателем, более существенные из которых отмечены (насколько это возможно в переводе) прямыми скобками.

² Сохранить в тексте полную нумерацию строк оказалось невозможным из-за несоответствия синтаксического строя русского и латинского языков.

³ В постоянном суде по делам об убийствах и отравлениях (quaestio perpetua de sicariis et veneficiis), основанном по Корнелиеву закону (81 г.). Этот суд карал римских граждан; рабов был вправе покарать их владетель.

⁴ По завещанию наследниками были назначены незамужняя дочь и ее жених, который мог быть назначен также и ее опекуном. Ее сестра, вышедшая замуж посредством коемпиции (см. ниже), право наследовать утратила. Если бы завещание было отменено, то дочь стала бы наследницей ab intestato, т. е. наследницей по закону, при отсутствии завещания, а ее жених был бы исключен из числа наследников. В этом случае незамужняя дочь должна была бы поступить под опеку одного из ближайших родичей.

Правовая сторона брака между римскими гражданами связана с понятием о patria potestas, т. е. о существовавшей в древнейшие времена, а в исторические сохранившейся отчасти лишь формально, отчасти лишь в некоторых правовых отношениях

средством коемпции⁵. Таким образом, ты, вместе со всем отцовским [имуществом], должна была бы поступить под опеку лиц, затеявших эти происки. Твоя сестра должна была бы потерять [все], так как она сочеталась с Клувием и перешла под его власть⁶. С какой твердостью ты приняла все это, с каким присутствием духа ты дала отпор этим людям, я, хотя и отсутствовал, знаю во всех подробностях.

(18—24) Опираясь на свою правоту, ты отстояла наше общее дело. Завещание — говорила ты — силы своей не утратило, и ты предпочитаешь, чтобы [мы оба] сохраняли наследственное имущество, а не чтобы ты владела им одна — таково твое твердое намерение отстаивать распоряжения отца; если ты не достигнешь этой цели, утверждала ты, то поделишь имущество [с сестрой]; и ты не пойдешь под законную опеку, потому что отдать тебя под нее [закон не дает права] и потому что невозможно доказать наличие родовых и семейных связей, которые могли бы [заставить] тебя так поступить⁷; ибо даже если бы завещание твоего отца утратило силу, то у тех, у кого было упомянутое намерение, права [такого нет], ибо они не принадлежат к одному и тому же роду с тобой.

(25—26) Они отступили перед твоей стойкостью и дела этого больше не возбуждали. Благодаря такому твоему [уважению к памяти отца], преданности сестре, верности нашим интересам ты одна довела до конца взятую на себя защиту.

(27—29) Редки столь продолжительные супружества, прерванные смертью, а не разводом. [Ведь на нашу долю выпало] прожить в полном согласии сорок один год. О, если бы по прошествии стольких лет супружество наше пришло [к концу] из-за моей смерти, потому что более справедливо было бы склониться перед велением рока мне, старшему!

(30—36) Зачем [мне упоминать] о твоих достоинствах как хозяйки дома: о целомудрии, добродетели, благожелательности, простоте в обращении, [старательности] в прядении и ткачестве, [набожности], свободной от суеверий, скромности в уборе, умеренном образе жизни? [Зачем мне говорить о твоей] любви к родным, о преданности семье; ведь ты чтитла мою мать, так же как своих родителей, и старалась создать для нее [такой же покой, как и для них]; зачем говорить о неисчислимых других твоих достоинствах, общих у тебя [со всеми] матронами, заботящимися о своем добром имени? Были у тебя достоинства особые, признания их за тобой я требую — [немногим] довелось встретить подобные; ведь это достоинства, позволяющие претерпевать испытания и совершать поступки, о редкости которых позаботилась [человеческая] судьба.

(37—41) Все твое имущество, полученное от родителей, мы обоюдными стараниями сохранили в целости, причем ты не заботилась о приобрете-

власти главы рода или ветви рода (*pater familias*) над всеми домохозяевами (жена, дети, жены сыновей, внуки от сыновей, рабы) и всем имуществом. Власть эта давала ему право жизни и смерти и право продажи в рабство («за Тибр»); после трехкратной, даже фиктивной, продажи в рабство упомянутая власть прекращалась (эманципация), как и после утраты главой рода или ветви рода своих гражданских прав (*capitis deminutio*). Брак посредством коемпции, т. е. купли-продажи, — одна из форм брака *cum conventionione in manum filiae loco*, т. е. брака, когда невеста выходила из своего рода (из-под *patria potestas* в своем роду), теряя при этом все права в нем, и переходила в род своего мужа, под *patria potestas* его главы; своему мужу она становилась как бы дочерью (*filiae loco*).

⁵ Возможно, более позднее оформление брака, до того бывшего *sine in manum conventionione*.

⁶ См. прим. 4. Коемпция сопровождалась эманципацией невесты, т. е. выходом дочери из-под *patria potestas*. Сестра умершей, утратив право на наследование по закону, все же имела право наследовать по завещанию.

⁷ Если бы завещание было признано утратившим силу, то незамужняя дочь была бы вправе на основании Атилиева закона 186 г. требовать, чтобы ей назначили опекуна, которым мог быть ее жених.

ниях, всецело предоставив это мне. Обязанности свои мы разделили так: на мне лежала опека над твоим достоинством, на тебе — охрана моего. Здесь я [о многом] умолчу, дабы не приписать себе участия в заслугах, принадлежащих лично тебе. Достаточно и того, что я рассказал о твоих чувствах.

(42—51) Щедрость твоя проявлялась как в отношениях с многочисленными близкими, так и особенно — в твоей преданности родным. [Можно] назвать [также и других женщин с заслугами, подобными твоим], но, разумеется, одна только женщина вполне походила на тебя [...] — твоя сестра. Ибо вы воспитали у нас, у себя в доме, своих родственниц, [достойных такого попечения]. А дабы они смогли занять [положение, достойное вашей семьи], вы их снабдили приданым. Это приданое, [назначенное им вами по обоюдному] решению, я и Гай Клувий взяли на себя и, одобряя вашу [щедрость], мы — дабы не страдало ваше имущество — предоставили для этого свое достоинство и дали в приданое [свои поместья]⁸. Не ради похвалы [рассказал я об этом, но дабы всем было известно, что мы признали] честью для себя [выполнить за] свой счет ваши решения, задуманные с благочестивой щедростью.

(52) [О многих других твоих благодеяниях] я умалчиваю.

(большая лакуна)

II (2a—5a) Во время моего бегства⁹ ты оказала мне [величайшую помощь], пожертвовав своими драгоценностями. [Сняв с себя] все золотые вещи и жемчуга [для того, чтобы я смог увести их] с собою, ты отдала все это мне, а затем, [хитро обманув] бдительность противников, скрашивала мне жизнь в изгнании услугами рабов, присылкой денег и продовольствия.

(6a—8a) [Сохранив жизнь отсутствовавшему, — к таким усилиям тебя побуждала твоя доблесть, — твоя преданность] ограждала меня благодаря милосердию тех людей, против которых ты и прибегала к своим хитростям¹⁰. Слова твои, [однако, всегда] свидетельствовали о твердости твоего духа.

(9a—11a) [Однажды] во время гражданской войны, когда [толпа], состоявшая из людей, набранных Милоном, дом которого [я приобрел] на торгах, [когда он] находился в изгнании, намеревалась ворваться в наш дом [и разграбить его, ты успешно отбросила ее и защи]тила наш дом.

(утрачено около 12 строк)

(1—3) Ведь тебе я обязан не менее, чем самому Цезарю, тем, что он меня возвратил отечеству; ибо, если бы ты не сберегла того, кого он смог бы спасти, охраняя мое благополучие, то даже он понапрасну обещал бы тебе свою помощь. Таким образом, своей жизнью я обязан твоей преданности не менее, чем Цезарю.

(4—10) Говорить ли мне теперь о наших сокровенных замыслах и намерениях? Упомянуть ли мне о том, как я, встревоженный неожиданным известием о существовавших и угрожавших мне опасностях, благодаря

⁸ Со стороны Клувия это был вполне добровольный поступок, так как его жена, ввиду их брака cum conventionе in manum, утратила все правовые связи с прежней семьей.

⁹ В 48 г. до н. э.

¹⁰ Имеются в виду цезарианцы.

твоим советам спастся¹¹? О том, как ты не позволила мне рисковать вслепую, а когда я стал обдумывать более осторожные действия, позаботилась о надежном убежище для меня, избрав своими единомышленниками в деле моего спасения сестру и ее мужа, Гая Клувия, причем всех вас объединяла общая опасность? Если бы я попытался коснуться всего этого, то не закончил бы речи. И мне, и тебе довольно того, что, скрываясь, я уцелел.

(11—17) Однако — должен признаться — горчайшее в моей жизни событие произошло из-за тебя уже тогда, когда я, по милостивому решению Цезаря Августа, находившегося в то время в отсутствии, [снова стал] гражданином, [полезным] отечеству. [Когда ты] обратилась по делу о моем восстановлении в правах к его коллеге Марку Лепиду, находившемуся в Риме, и, распростершись на земле, лежала у него в ногах, то тебя не только не подняли, но, [словно рабыню], волокли и толкали, ты же, вся в синяках, с великой [твердостью духа напомин]ала ему об эдикте Цезаря и говорила о своей благодарности за мое восстановление в правах. И [выслушав] оскорбления и получив жестокие раны, ты [открыто показывала их], дабы стал известен виновник моих злоключений. Он [вскоре за это] поплатился.

(19—21) Что могло бы быть более действенным, чем такая твоя доблесть, когда ты предоставила Цезарю [случай] явить свое милосердие и не только охранила мою жизнь, но и закледила наглую жестокость [своим редкостным] долготерпением?

(22—24) Но к чему продолжать? Я сокращу свою речь, которую должно и можно закончить, [дабы беглым перечислением] величайших деяний не умалить их достоинства, раз уже я, в [доказательство] твоих заслуг, могу всем наглядно показать, что ты мне [спасла жизнь].

(25—30) После того как во всех странах наступил мир и государственный строй был восстановлен, времена спокойствия [и счастья] начались [и для нас]. Мы захотели иметь детей, в которых [жребий] нам долго отказывал. Если бы судьба согласилась на это, подчинившись заведенному порядку, [то чего] не доставало бы [нам обоим]? Но она, идя другим путем, положила конец надежде. О том, над чем ты [из-за этого] размышляла и что пыталась предпринять, и что, быть может, для каких-то других женщин оказалось бы [достопримечательным и изумительным], а для тебя, при сравнении с [остальными твоими] достоинствами, менее всего удивительно, — [об этом я умалчиваю].

(31—39) Не веря в свою плодovitость и огорчаясь тем, что я, не сделавшись отцом, утрачу надежду иметь детей, оставаясь [в супружестве] с тобою, и по этой причине буду [несчастен], ты заговорила [о разводе]: ты была готова [передать] опустевший дом другой женщине, но плодovitой; [у тебя не было иного] намерения, как только, ввиду всем известного согласия между нами, самой поискать для меня достойную пару и устроить супружество. Ты утверждала, что дети, которые появятся на свет, будут для нас [общими] и что ты станешь считать их своими, что ты не намерена производить раздел нашего имущества, [до того] бывшего общим; оно останется в [моем распоряжении] и, если я пожелаю, под твоим управлением; у тебя не будет ничего отделенного, ничего [своего собственного], ты и далее будешь по отношению ко мне [выполнять] обязанности и долг сестры и тещи.

(40—43) Должен сознаться, что я был взволнован настолько, что едва не лишился рассудка, и твое поведение так [ужаснуло] меня, что я с трудом пришел в себя. Предлагать развод между нами [еще до того, как] совершится закон рока; быть в состоянии придумать нечто такое, чтобы ты,

¹¹ Речь идет о событиях 43 г. до н. э.

[живая, перестала] быть мне женой, после того как ты, когда я был, можно сказать, изгнан из жизни, оставалась мне безупречно верна!

(44—47) Могли ли желание или необходимость иметь детей быть у меня столь сильными, [чтобы я по этой причине] изменил своей верности, променял бы верное на сомнительное? Но к чему продолжать? [Ты осталась] со мной; да ведь я и не смог бы уступить твоим настояниям, не покрыв себя позором и не принеся несчастья нам обоим.

(48—50) Но что делает тебя достойной памяти в большей мере, нежели то, что ты, окружая меня заботами, [прилагала старания] к тому, чтобы я — раз я иметь детей от тебя не мог — их все-таки [имел] благодаря тебе; нежели то, что ты, не веря в свою способность родить, подготавливала другое — плодовитое — супружество?

(51—53) О если бы, в пределах, какие допускал наш возраст, супружество наше [могло продолжаться, пока] не умер бы я, старший годами, что было бы справедливее, и ты не отдала бы мне последнего долга, [после того как я] избавился бы от своей бездетности, и *приемная* дочь заменила бы тебе меня после моей смерти¹².

(54—55) По воле рока ты опередила меня. Ты оставила меня в горе и тоске по тебе, покинула мужа бездетным [и одиноким]. Я же в чувствах своих склонюсь перед твоим решением и [совершу адопцию той, которую ты выбрала].

(56—57) Но вместо перечисления всех твоих замыслов и советов перейду к восхвалению, которое [докажет, как] мне недостает всего того, что я [предал] бессмертию, чтобы увековечить твою память.

(58—62). Плоды твоей жизни остаются со мной. Укрепившись [духом] благодаря твоей доброй славе, я, наученный твоими делами, не склонюсь перед судьбой, которая не все отняла у меня, раз она позволила моей хвалебной речи превозносить твою память. Но спокойствие своего существования я утратил [вместе с тобою] и, [думая о том,] как ты разведывала и отражала грозившие мне опасности, я чувствую себя сломленным утратой и не в силах держаться, как обещал.

(63—66). Естественная скорбь отнимает у меня силы при всей моей стойкости. Я удручен горем и не могу прийти в себя от [охвативших меня тоски и печали]. Перебирая в памяти свои прежние злключения и думая о предстоящих мне трудностях, [я прихожу в отчаяние]. Утратив столь великий оплот, я, думая о твоих заслугах, нахожу, что я был спасен не [столько для того, чтобы стойко] переносить свое горе, сколько для того, чтобы тосковать и плакать.

(67—68) Закончу свою речь словами: ты заслужила все, но все [воздать] тебе мне не довелось. Твоя последняя воля была для меня законом, и сверх того, все, что будет в моей власти, я воздам тебе.

(69) Да позволят тебе твои боги-маны пребывать в покое, да оберегают они его!

¹² По-видимому, имеется в виду не осуществленное намерение совершить адопцию (удочерение).